

И. Ф. Девятко

В СТОРОНУ СПРАВЕДЛИВОСТИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ДЕСКРИПТИВНЫМ ОБЫДЕННЫМ ЗНАНИЕМ И ВОСПРИЯТИЕМ ДИСТРИБУТИВНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ*

В статье показано, что социологический анализ феноменов восприятия дистрибутивной справедливости требует изучения их гипотетических взаимосвязей с имеющимся у социальных акторов обыденным дескриптивным знанием. Представлены результаты экспериментального исследования взаимосвязи между выносимыми индивидами суждениями о справедливости распределения централизованных доплат различным группам населения и собственным обыденным знанием испытуемых о существующем положении дел, т. е. о релевантных социальных и экономических фактах. Полученные результаты показывают, что для суждений о справедливом распределении доплат, направленных на выравнивание доходов и доступа к цифровым коммуникациям, в большинстве случаев не наблюдается прямой взаимосвязи с индивидуальными интуитивными оценками фактического положения дел в соответствующих областях. Эта взаимосвязь может быть обнаружена лишь для отдельных групп потенциальных получателей перераспределяемых благ и иногда иметь противоположное ожидаемому направление (при фиксированном инструкции к заданию компенсирующем эгалитаристском принципе распределения). Результаты эксперимента косвенно свидетельствуют в пользу когнитивистской теории моральных чувств (Р. Будон) и ставят под сомнение расширительные трактовки «теоремы Томаса».

Ключевые слова: *восприятие справедливости, повседневное социальное знание, социологическая теория, нормативное и дескриптивное «народное» социальное знание, экспериментальная когнитивная социология.*

Keywords: *justice perception, everyday social cognition, sociological theory, normative and descriptive folk social knowledge, experimental cognitive sociology.*

* Статья подготовлена по результатам индивидуального исследовательского проекта № 10-01-0116 «Фактическое» и «должное» в обыденном социальном познании: повседневное знание о социальном мире как контекст восприятия справедливости на микро-, мезо- и макроуровнях», выполненного при поддержке Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ».

Введение и постановка проблемы

Теоретический анализ обыденных представлений о справедливости в социальных науках придает центральное значение многомерной природе самого этого понятия. Большинство объяснительных теорий отталкиваются от какого-то из возможных аксиологических определений дистрибутивной справедливости как моральной ценности, формулируемого в виде абстрактного философского принципа (например, «дать каждому равную долю», «дать каждому то, что он заслуживает» либо «то, на что он имеет право»), развивая затем интерпретацию этого принципа в различных контекстах (политических, экономических и правовых) субъективного оценивания справедливости тех или иных сложившихся ситуаций либо принятия решений о справедливости различных потенциальных исходов распределения благ или «ущербов». Множественность предлагаемых нормативных принципов и многообразие контекстов делают невозможной простую концептуализацию справедливости в ее различных смыслах, порождая проблему «несоизмеримости» предлагаемых трактовок и объяснительных моделей.

В отличие от нормативных теорий справедливости — философских или экономических — социологические и социально-психологические теории не сравнивают обоснованность или эффективность различных моральных принципов, а используют переменные, описывающие контекстные элементы принятия решений или вынесения суждений о справедливости, беспристрастности и честности распределения, в качестве факторов, позволяющих предсказать или объяснить эти решения и суждения.

Локальные институты, накопленный опыт социального взаимодействия, переменные группового уровня, подобные идентичности, могут существенно влиять на поведение индивидов в реальных или игровых ситуациях распределения благ или вынесения суждений о дистрибутивной справедливости. И разнородные контекстные влияния на суждения о дистрибутивной справедливости, и поведенческие эффекты последних были неоднократно продемонстрированы в исследованиях (обзор позитивных, т. е. объяснительных теорий справедливости и основных эмпирических свидетельств в их пользу можно найти, например, в работе Дж. Коноу (Konow 2003)). Последний выделяет в качестве особой категории позитивные «контекстные» теории, подчеркивая, что они, в отличие от разнообразных утилитаристских, либертарианских и эгалитаристских теорий, не вводят некий собственный принцип распределения, а исследуют «зависимость оценивания справедливости от [характеристик] контекста, таких как выбор людей и переменных, эффекты фрейминга и используемые процессы» (Konow 2003: 1189).

К числу ярких иллюстраций объяснительных возможностей «контекстного» подхода к исследованию феноменологии влияния локального культурного и группового контекста на честность решений и субъективные суждения о справедливости можно отнести, например, результаты масштабных кросс-культурных экспериментов, описанные в (Henrich, Boyd, Bowles et al. 2005). Это сравнительное исследование поведения в играх типа «Ультиматум», «Диктатор» и «Общественные блага» проводилось в 15 небольших обществах (собиратели, подсечно-огневые земледельцы, скотоводы, простые аграрные общества) и позволило сделать выводы о том, что значительная доля межкультурных различий в поведении участников игр объясняется переменными группового уровня, отражающими различия в социальной и экономической организации исследованных обществ (степень рыночной интеграции, уровень вознаграждения за сотрудничество в повседневных взаимодействиях и др.), тогда как переменные индивидуального уровня (экономические, демографические) не позволяют надежно предсказывать ни внутригрупповые, ни межгрупповые различия в игровом поведении.

Однако многообразные сугубо эмпирические исследования контекстных влияний на восприятие справедливости дают столь разноречивые и открывающие широкий простор для интерпретаций результаты, что иногда может показаться, по меткому замечанию Коноу, «что и сама справедливость является просто своего рода контекстуальным эффектом» (Коноу 2003: 1218). В этой ситуации особую ценность приобретают попытки предложить систематический теоретический подход или отдельную объяснительную теорию, которую можно было бы последовательно проверить на фоне всего многообразия накопленных эмпирических данных.

Одной из немногих попыток построить объяснительную социологическую теорию, описывающую логику принятия «решений о справедливости» обычными людьми, является *когнитивистская теория моральных чувств*, предложенная Р. Будоном (в сотрудничестве с Э. Беттон) (Boudon 1997; Boudon, Betton 1999). Согласно этой теории, оценивание индивидами справедливости решений или честности обмена является когнитивным процессом, сходным с оценкой истинности утверждений и основанным на сильных (хотя и не всегда осознаваемых) доводах (strong reasons), включающих в себя и *факты* о социальном мире, и *нормативные принципы*. Как пишут Будон и Беттон, «...наша когнитивная теория утверждает, что субъекты чувствуют, что “X — честно” в том случае, если это утверждение воспринимается ими как выводимое из системы доказательств, которую они рассматривают в качестве сильной» (Boudon, Betton 1999: 37). Таким образом, данная теория описывает

переход от субъективных убеждений о фактах и уместных в локальном контексте нормативных принципах к нормативному обыденному знанию о дистрибутивной справедливости, т. е. знанию людей-с-улицы о том, как правильно и справедливо распределять блага (или издержки). Здесь и далее мы будем исходить из того, что «сильные доводы» и основанные на них системы рассуждений могут полностью либо частично осознаваться или не осознаваться индивидами, как и многие другие когнитивные процессы, реализуемые на уровне «бессознательных умозаключений» (Г.Л.Ф. фон Гельмгольц). Однако данная теория моральных чувств пока представляет собой скорее общую аналитическую рамку, поскольку, за исключением некоторых предположений о принципах восприятия справедливости на макроуровне, не дает возможности систематически предсказывать нормативные предпочтения для иных контекстов социального взаимодействия.

Ранее мы предложили дополняющую когнитивистскую теорию моральных чувств *типологию институциональных контекстов*, предположительно позволяющую предсказывать и объяснять, какие именно нормативные принципы будут доминировать при интуитивной оценке дистрибутивной справедливости на микро-, мезо- и макроуровнях социального взаимодействия, продемонстрировав ее объяснительные возможности для вторичного анализа данных, полученных ранее другими исследователями (Девятко 2009)*. Наше исходное предположение состояло в том, что: «Обращение к микро, мезо- и макроуровням анализа восприятия справедливости позволяет уловить историко-эволюционную укорененность *принципов справедливости* в соответствующих различных уровнях социальной организации *институциональных контекстах*, в которых могли исходно сформироваться убедительные доводы и обоснования справедливости» (Девятко 2009: 13). Мы, таким образом, предположили, что особого внимания и места в объяснительной типологии заслуживают те институциональные контексты, в которых используемые индивидами доводы и обоснования справедливости были исходно «открыты» и реализованы в социальной практике. В частности, предварительно нами были выделены следующие типы контекстов социального взаимодействия, последовательно возникающих на разных этапах развития сложных обществ:

— Микро: Малые группы (включая семью и родственные группы). Предполагают преимущественно *эгалитарное* распределение матери-

* Мы также получили некоторые эмпирические результаты, описывающие межкультурные различия при решении идентичных задач на справедливое распределение в различных контекстах, которые будут описаны нами в другой работе.

альных благ и, в некоторых случаях, *основанное на эффективности* распределение ресурсов. Неравенство в распределения благ допустимо, носит компенсаторный характер, пропорционально степени близости/родства.

— Мезо: Первичные группы, небольшие организации и коллективные действия. Здесь сильные доводы, определяющие восприятие справедливости и честности, могут быть формализованы с помощью *принципов реципрокации и пропорциональной вклада дистрибутивной справедливости* для распределения совокупного дохода и прямых обменов в масштабах группы. Для распределения ресурсов сохраняется роль *принципа общественной эффективности*.

— Макро-1: Большие группы, сети обобщенного обмена (в том числе возникающие при односторонней передаче ресурсов, благ в рамках бескорыстной помощи, благотворительности) создают контексты распределения, которые регулируются *рефлексивными нормативными принципами*, основанными на оценке репутации.

— Макро-2: Социетальный уровень. Анализ накопленных данных о восприятии справедливости на макроуровне-2 (социетальном) показывает некоторые объяснительные преимущества *принципа правового основания для владения, entitlement* (Р. Нозик). Распределение общих ресурсов для производства общественных благ преимущественно ориентировано на *эффективность*.

Однако описанные контекстные теории и основанные на них эмпирические исследования, давая богатую пищу для размышлений о том, какие именно признаки, связанные с маркерами контекста, эффектами фрейминга, особенностями группы или историей предыдущих взаимодействий, влияют на оценку обычными людьми справедливости конкретных решений или на предпочтение ими того или иного принципа распределения в специфической ситуации взаимодействия, все же не отвечают на вопрос, который лишь на первый взгляд может показаться тривиальным:

В какой мере на индивидов, выносящих суждения о справедливости распределения с позиций участника или арбитра, влияет их собственное, «предзаданное» дескриптивное знание об уже сложившемся положении дел — непрофессиональное и, возможно, неточное знание о потенциально важных для субъективной оценки справедливости социальных, экономических и демографических фактах?

Конечно, в ряде исследований было показано, как предоставляемая исследователями в задаче на распределение информация о потенциальных реципиентах благ, их репутации, предпочтениях, убеждениях, текущем распределении доходов в обществе и т. д. оказывает системати-

ческое влияние на выбираемые решения (например, (Yaari, Bar-Hillel 1985; Mitchell, Tetlock, Mellers, Ordycz 1993; Faravelli 2007)), однако экологическая валидность таких исследовательских планов вызывает сомнения: кажется более правдоподобным, что при вынесении суждений о дистрибутивной справедливости люди опираются скорее на свои собственные, «наивные» убеждения и верования о сложившемся в той или иной «сфере справедливости» (М. Уолзер) положении дел, чем на ситуативно предоставляемую исследователями информацию. Однако не существует, насколько нам известно, сопоставимых по масштабу исследований, подтверждающих взаимосвязь обыденных представлений субъектов о распределениях важных социально-демографических, экономических и иных значимых переменных на восприятие справедливости распределения дохода, доступа к культурным благам и т. п.

Эта ситуация кажется особенно удивительной на фоне господствующего в социологии представления о том, что точка зрения актора, его основанные на здравом смысле знания и суждения — истинные или нет — не только имеют наблюдаемые последствия в социальной реальности, но и в определенном смысле конститутивны для последней. Наиболее известный тезис, демонстрирующий предполагаемую связь между убеждениями действующих и реальными исходами действий, который стал известен, отчасти благодаря Р.К. Мертону, как «Теорема Томаса» (Thomas W., Thomas D. 1928: 572), утверждает, что ситуации, определяемые людьми как реальные, имеют реальные последствия. Как и предложенное Мертоном понятие «самореализующегося пророчества», развивающее эту идею применительно к рефлексивным убеждениям индивида о том, что знают или склонны сделать другие, этот тезис подразумевает, что каузальная эффективность свойственна не только истинным, но и — или даже прежде всего — ложным убеждениям. В тривиальном смысле, все представления, убеждения или определения ситуации субъектом, способные приводить к целеориентированным действиям или намеренному бездействию, ведут к каким-то последствиям (предвидимым или нет). Конечно, наш житейский опыт показывает, что предсказуемость результатов, а, следовательно, — и эффективность, в общепринятом смысле, истинных убеждений несколько превосходят аналогичные характеристики ложных, хотя и следование последним иногда приводит к ошеломляющим, пусть неожиданным, последствиям. Однако менее тривиальная трактовка исходного положения, связанная с коллективными эффектами рефлексивных убеждений — и прежде всего убеждений, не поддающихся верификации в ситуации, когда массовое следование им может породить именно ту ситуацию, истинность которой в будущем эти убеждения утверждают

(например, биржевую панику), предполагает, что ложные убеждения могут быть неотличимы от истинных по своим последствиям. С этой точки зрения, неудивительно, что большая часть иллюстраций данного тезиса, как и первоначальная формулировка, предложенная У.А. и Д.С. Томасами («Если ситуации определяются людьми как реальные, они реальны по своим последствиям»), адресуется к эффектам ложных или даже бредовых убеждений. В статье, посвященной истории и трансформациям этой научной идеи, Мертон специально отмечает, что в исходном и единственном использовавшемся Томасом примере речь идет о параноике, якобы убивавшем своих жертв из-за того, что те имели несчастливую привычку бормотать что-то себе под нос, идя по улице, поскольку безумцу казалось, что они оскорбляют его (Merton 1995: 384)*. Возможно, неясности и альтернативные интерпретации, окружающие «теорему Томаса», мешают поставить более определенный вопрос: пусть и ложные, и истинные убеждения обычных людей могут иметь какие-то значимые эффекты, но могут ли такие эффекты отсутствовать? И не в ситуации, описанной Аристотелем как невозможность следовать на практике, в собственном поведении, логическим выводам из своих убеждений и желаний (невоздержность, *акразия*) (Аристотель 1984), а в ситуации, когда истинные или не столь истинные убеждения служат необходимыми аргументами в сознательных или бессознательных аксиологических суждениях, о которых говорит когнитивистская теория моральных чувств. Всегда ли убеждения о релевантных фактах, высказываемые индивидами, связаны с их нормативными суждениями о том, что в данном случае считать справедливым и честным решением и/или положением дел?

Дескриптивное и объяснительное повседневное знание индивидов о социальном мире, образующее своего рода «народную науку» об обществе (*folk sociology*), лишь недавно стало предметом эмпирических исследований в социологии и междисциплинарной области когнитивной науки, исследующей различные «народные науки» и «наивные теории». В частности, недавние когнитивные исследования феномена «мудрости толп» (Griffits, Tenenbaum 2006; Mozer, Pashler, Homaei 2008; Девятко, Абрамов, Кожанов 2010) породили дискуссию о том, являются ли свойства оптимальности коллективных повседневных прогнозов

* Мертон приводит весь пассаж, предшествующий формулировке известного тезиса, специально отмечая, что речь идет о проблеме методологической: Томас и Томас подчеркивают значимость и релевантность субъективных данных (в том числе, дневниковых записей и признаний психоаналитику), даже содержащих заведомо бредовые высказывания, для исследований поведения.

и суждений о распределении некоторых социальных, демографических, экономических и т. п. переменных сугубо статистическим эффектом агрегирования индивидуальных оценок, т. е. результатом статистического уравнивания случайных ошибок оценок и прогнозов, осуществляемых индивидуальными акторами? Или справедливо альтернативное объяснение, которое предполагает, что оптимальные групповые суждения рождаются в результате доминирования в группе или сообществе мнений индивидов, менее склонных совершать ошибки в силу обладания устойчивой «социальной компетенцией», основанной на байесовых рассуждениях и неосознанном знании формы распределения либо на знакомстве с ограниченным количеством примеров. Еще один вопрос, непосредственно связанный с этой дискуссией и потенциально важный для социологической теории и методологии: можно ли говорить о наличии у индивидов доступа к знанию о собственной «социальной компетенции», своего рода метазнания, или «знания о знании» второго порядка?

В нашем предыдущем исследовании (Девятко, Абрамов, Кожанов 2010) мы получили некоторые данные, поддерживающие вывод о том, что эффект «мудрости толп» может быть продемонстрирован лишь применительно к ограниченным областям социальной реальности, а носителями оптимальных или далеко не столь оптимальных социальных суждений являются скорее группы, чем индивиды. Помимо этого, мы получили некоторые свидетельства в пользу того, что индивиды не полагаются «знанием второго порядка» относительно собственной осведомленности — их самооценки социальной компетенции неточны и отражают, видимо, не столько наличие способности видеть границы области своей экспертизы, сколько достаточно сильную подверженность «иллюзии осведомленности».

Однако ограниченность диапазона, смещенность или ненадежность групповых и, в еще большей степени, — индивидуальных оценок распределения тех или иных социально-демографических, экономических и прочих переменных, описывающих сложившиеся контексты оценивания справедливости распределения или возможностей перераспределения дохода, доступа к культурным благам и других преимуществ в реальном мире, не должна препятствовать влиянию такого обыденного дескриптивного знания на решение субъектами задач на справедливое распределение или перераспределение. И точные, и ошибочные субъективные оценки фактического положения дел должны, если верить «центральной социологической теореме», влиять на «сильные доводы», с помощью которых индивиды решают, что было бы справедливым и честным распределением в конкретном случае.

Это предположение и обусловило главную *цель* нашего экспериментального исследования — *изучение гипотетических взаимосвязей между имеющимся у социальных акторов дескриптивным знанием о социальном мире и восприятием ими дистрибутивной справедливости (преимущественно на макроуровне социального взаимодействия).*

В нашем эксперименте мы попытались прямо проверить наличие связи между повседневными прогнозами, касающимися характера распределения и ожидаемых значений некоторых социально-экономических переменных, описывающих существующее распределение материальных и культурных благ (доход в форме заработной платы, доступ к средствам электронной коммуникации), и интуитивными суждениями о справедливости компенсирующего распределения дополнительных средств в этих же областях. Пользуясь тем, что в другой нашей работе (Девятко, Абрамов, Кожанов 2010) была продемонстрирована возможность оценки точности повседневного дескриптивного знания респондентов о потенциально важных для субъективной оценки справедливости социальных, экономических и демографических фактах с помощью методов, разработанных в когнитивистских исследованиях «народной науки» (Keil 2003; Griffiths, Tenenbaum 2006; Mozer, Pashler, Homaei 2008), мы дополнили полученные отработанным ранее методом данные о «наивном» дескриптивном знании наших респондентов их ответами на элементарные вопросы-задачи на выравнивающее перераспределение тех же благ, для которых наши респонденты осуществляли «наивную» оценку характера распределения между различными группами (представителями различных видов экономической деятельности и различных возрастных групп). Порядок предъявления «дескриптивных» и «нормативных» заданий отдельным испытуемым был случайным: в половине случаев в начале испытуемые оценивали средние уровни зарплат или вероятность наличия доступа в Интернет для различных групп, в половине — сначала решали задачу выравнивающего существующую ситуацию распределения дополнительных средств между этими группами (т. е. наш план эксперимента был сбалансирован по порядку предъявления двух типов задач).

Метод

Участники и процедура. Эксперимент был реализован в двух форматах — онлайн и оффлайн опросов с использованием идентичных инструкций и заданий. Участниками онлайн опроса были 52 студента различных факультетов ГУ-ВШЭ (преимущественно факультетов экономики и права), в оффлайн опросе (бумажная анкета, индивидуальное заполнение в небольших группах под контролем экспериментатора)

участвовали 20 студентов факультета социологии того же вуза. Результаты участников оффлайн и онлайн опросов продемонстрировали отсутствие значимых различий по содержательным переменным, поэтому в дальнейшем мы будем рассматривать полученные данные без учета способа заполнения*. Таким образом, общее число участников составило 72 человека. Возраст участников эксперимента варьировал в диапазоне от 17 до 29 лет (одной из участниц, аспирантке факультета социологии, на момент опроса исполнилось 39 лет). В исследовании приняли участие 30 юношей и 42 девушки.

В «*дескриптивном*» задании, подробно описанном в (Девятко, Абрамов, Кожанов 2010), участников просили угадать правильные ответы на вопросы-задачи, которые были включены в индивидуальный бланк, имевший формат опросного листа. Каждый из испытуемых отвечал на вопросы о зарплатах и Интернет-охвате для различных групп населения (интраиндивидуальный план), для порядка предъявления таких вопросов применялось позиционное уравнивание. Каждый из вопросов открывался фразой, задающей контекст оценивания. Для прогноза значений Интернет-охвата для различных возрастных групп исходно предлагались пять значений t (возраста, относительно которого делался прогноз) — 15, 18, 39, 61, 74 года, однако в силу особенностей реализации онлайн опроса полные данные об оценках вероятности наличия доступа в Интернет были получены для трех возрастных групп — 18, 39, 61 год. Для прогноза зарплат по отраслям применялись следующие пять уровней фактора (номинальной переменной), описывающие отрасль хозяйственной деятельности, для которой оценивался предполагаемый уровень среднемесячного заработка: добыча топливно-энергетических полезных ископаемых; связь; финансовая деятельность; здравоохранение и предоставление социальных услуг. Ниже приведены формулировки тестовых вопросов:

Среднемесячный заработок: «Среднемесячный заработок различается не только в зависимости от должности, квалификации и характера трудовых задач, выполняемых человеком. Существуют также различия в среднемесячной зарплате для различных областей экономической деятельности. Вы случайно познакомились с человеком, о котором Вам

* Автор выражает признательность С.И. Некрасову, оказавшему помощь в проведении онлайн опроса. Отметим, что реализованные в 2010 г. в рамках программы фундаментальных исследований ГУ-ВШЭ под руководством автора другие эксперименты в формате офлайн и онлайн опросов также не продемонстрировали значимого воздействия формата на получаемые результаты. Подробнее об этом: (Некрасов 2011).

известно лишь то, что он работает в области химического производства. Каков Ваш прогноз относительно его среднемесячной заработной платы (укажите величину в рублях)?».

Интернет-охват: «Ваш друг рассказал Вам о своем знакомом, которого Вы не знаете лично. Между делом он упомянул о том, что ему 18 лет. Каков Ваш прогноз относительно вероятности использования им Интернета, постоянно или от случая к случаю (укажите значение вероятности в промежутке от 0 до 100)?»*.

Кроме того, испытуемые отвечали на дополнительный вопрос о наличии у них друзей или знакомых, работающих в соответствующих основному заданию областях экономической деятельности**, а также оценивали по пятибалльной шкале уровень своей осведомленности о пользовании Интернетом в РФ и о средних зарплатах в разных областях российской экономики***.

В «нормативном» задании перед испытуемыми ставилась задача произвести выравнивающее, компенсирующее несправедливость распределение централизованных денежных выплат между представителями различных групп. Инструкция подчеркивала, что суждения о том, каким будет самое справедливое решение в описанных ситуациях, должны

* Таким образом, мы воспользовались эмпирической оценкой субъективной вероятности как эквивалентом относительной частоты.

** Этот вопрос был связан с необходимостью дополнительной проверки обоснованности центрального предположения разработанной ранее Пашлером и Хомаи модели оптимальных повседневных предсказаний как выборки из известных субъекту эмпирических примеров. Следующий — с попыткой воспроизведения продемонстрированной нами ранее для индивидуальных повседневных прогнозов «иллюзии осведомленности», подробнее об этом см.: (Девятко, Абрамов, Кожанов 2010).

*** Точность ответов респондентов и предпочитаемый ими способ распределения дополнительных выплат не продемонстрировали значимых связей с наличием друзей и знакомых, занятых в соответствующих областях экономической деятельности, иными словами, представления участников исследования о справедливости не были смещены из-за эффектов личных интересов и связей. Для субъективной оценки осведомленности, как и в нашем предыдущем исследовании, типичными оказались отсутствие связи с точностью предсказания и высокие корреляции между индивидуальными оценками осведомленности для разных областей (т. е. было получено дополнительное подтверждение существования «иллюзии осведомленности» для обыденного дескриптивного знания). Здесь мы не будем детально анализировать соответствующие данные. Возможная интерпретация аналогичных результатов обсуждается в (Девятко, Абрамов, Кожанов 2010).

основываться на интуитивных представлениях о справедливости и не предполагают каких-либо вычислений (образец бланка «нормативного» задания приведен в Приложении). В одном случае требовалось распределить 100 млрд. рублей средств (налоговых льгот и прямых выплат из бюджета), выделенных правительством для выравнивания явных диспропорций в средних уровнях зарплат для разных отраслей, в другом — ту же сумму (100 млрд. руб. бюджетных средств) следовало распределить между представителями пяти возрастных групп, чтобы доступ к глобальной сети коммуникаций был распределен более справедливо и равномерно. Возрастные группы были определены таким образом, что каждое точечное значение возраста для предсказываемых в «дескриптивном» задании вероятностей доступа попадало внутрь интервала, определяемого границами одной возрастной группы (например, значение 39 лет попадало в границы интервала «от 35 до 40 лет»).

Отметим, что принцип дистрибутивной справедливости (эгалитаристский) был нами в данном случае зафиксирован с помощью инструкции, чтобы возможная связь между двумя типами обыденного знания — дескриптивным (о зарплатах и доступе к современным цифровым технологиям) и нормативным (предпочитаемый способ компенсирующего распределения бюджетных средств) — выступила более явно. Иными словами, мы постарались заранее «вычесть» из наших данных потенциальные влияния межиндивидуальной вариативности в предпочитаемых принципах распределения (максимин, утилитаризм, эгалитаризм и т. п.) на макроуровне социального взаимодействия.

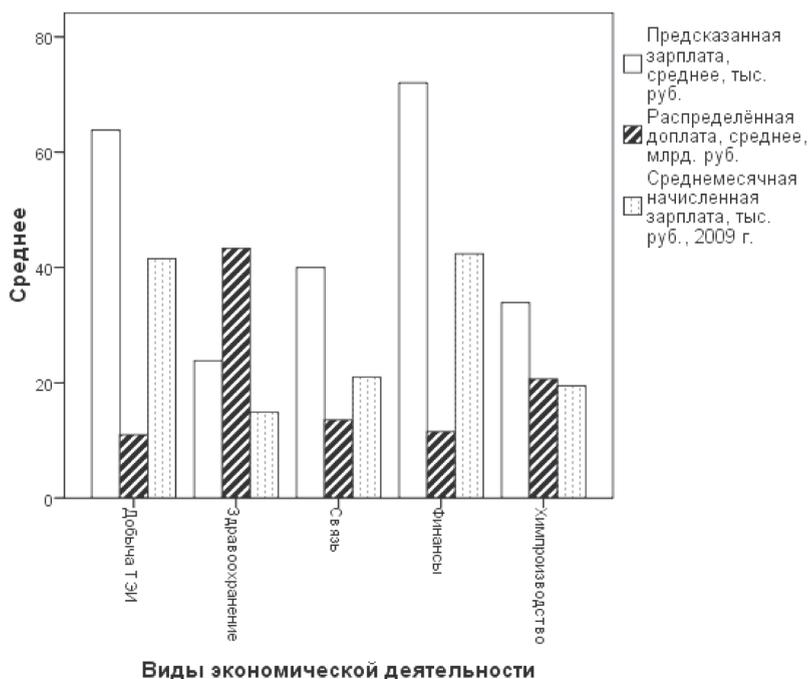
Общее время выполнения заданий, которое мы полностью могли контролировать лишь для оффлайн опроса, составляло не более 15–20 минут.

Результаты: описание и обсуждение

Результаты предсказания фактических уровней зарплат нашими испытуемыми показали, как и в нашем предыдущем исследовании точности обыденного дескриптивного знания (Девятко, Абрамов, Кожанов 2010), что наши испытуемые существенно *переоценивают* номинальные среднемесячные зарплаты, фактически начисленные в упоминавшихся в вопросах областях экономической деятельности (по данным за 2009 г.)*. При этом они в целом правильно оценивают форму распределения этой важной социально-экономической переменной, т. е. де-

* Источник данных о номинальных начисленных среднемесячных зарплатах по видам экономической деятельности за 2009 г. см. в (*Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата...*).

монстрируют способность примерно оценивать отношения порядка между среднемесячными зарплатами в разных областях деятельности (см. рис. 1 и табл. 1). Отметим также, что в вопросе о доступе к услугам Интернета наши испытуемые также продемонстрировали тенденцию к переоценке реальных значений вероятности наличия доступа к сети во всех оценивавшихся возрастных группах при адекватном представлении о форме распределения (мы не приводим здесь соответствующие данные статистики Интернет-охвата, т. к. на момент написания данной статьи мы располагали релевантными данными официальной статистики, полученными по результатам обследования панели домохозяйств РФ лишь за 2007 г., однако соответствующие сопоставления можно найти в (Девятко, Абрамов, Кожанов 2010; Некрасов 2011). Также отметим сразу, что корреляции между индивидуальными величинами ошибки прогноза и предлагаемыми значениями компенсирующих выплат по группам населения для двух задач на справедливое распределение не были значимыми (т.е. более или менее неточное знание не ведет к большим или меньшим смещениям в пользу тех или иных групп или наоборот).

Источник данных о начисленных номинальных среднемесячных зарплатах по видам экономической деятельности — Федеральная служба государственной статистики, данные за 2009 год

Рис. 1. Соотношение фактически начисленных, предсказанных среднемесячных зарплат и распределенных доплат

Соотношение средних предсказанных и фактических среднемесячных зарплат со средними распределенными доплатами

Вид экономической деятельности	Добыча ТЭИ	Химпроизводство	Финансы	Связь	Здравоохранение и предоставление социальных услуг
Средняя предсказанная зарплата, тыс. руб., в месяц (ст. отклонение)	63,833 (42,859)	33,875 (31,501)	72,056	39,986	23,826 (14,945)
Средняя распределенная доплата, млрд. руб., суммарно на отрасль (ст. отклонение)	10,97 (10,692)	20,64 (9,968)	11,49 (11,076)	13,54 (7,788)	43,36 (20,377)
Номинальная начисленная среднемесячная зарплата, тыс. руб., по данным за 2009 год	41,568	19,429	42,373	20,923	14,820

Однако вопрос о точности оценивания релевантных социально-экономических переменных нашими испытуемыми является второстепенным с точки зрения проверки основной гипотезы о наличии связи между «наивным» знанием в форме прогноза значений этих переменных (оптимального или не столь оптимального) и суждениями о справедливом способе распределения «выравнивающих» централизованных выплат и льгот.

Если бы при фиксированном в инструкции эгалитаристском принципе распределения дополнительных выплат и льгот наши испытуемые ориентировались прежде всего на свои собственные, точные или ошибочные, оценки текущего уровня среднемесячной заработной платы для пяти видов экономической деятельности, мы могли бы ожидать отрицательных корреляций между оценкой текущей зарплаты индивидом и его предложениями относительно величины дополнительных выплат в пользу работающих в этой отрасли, поскольку величина справедливой компенсаторной выплаты должна была бы расти с уменьшением предполагаемой величины основной зарплаты (и наоборот). Наши данные, однако, за одним исключением, демонстрируют не соответствующий этим ожиданиям паттерн корреляций (см. табл. 2). Для трех видов экономической деятельности коэффициенты корреляции близки к нулю и *незначимы* (связь, добыча топливно-энергетических ископаемых, химическое производство)

и лишь в одном случае, для области здравоохранения и социальных услуг коэффициент ранговой корреляции оказывается значимым на уровне $p < 0,05$. Коэффициент корреляции между индивидуальными оценками уровня зарплат и суждениями о справедливом уровне доплат свидетельствует о слабой обратной зависимости: меньшим оценкам среднего уровня зарплат в здравоохранении соответствуют в целом большие значения доплат, что позволяет говорить о том, что в данном случае наша гипотеза о прямой линейной связи нормативного и дескриптивного обыденного знания подтверждается на уровне некоторой статистической тенденции. Однако безоговорочному принятию этого вывода противоречит еще один статистически значимый и также небольшой по величине коэффициент корреляции — между оценками средней зарплаты и распределяемыми доплатами в области финансовой деятельности, поскольку этот коэффициент корреляции положителен ($\rho = 0,245$, $p < 0,05$). Иными словами, принимая решение о справедливой доплате для работников финансовой сферы, заработки которых наши испытуемые обоснованно оценили как самые высокие среди пяти групп работников, они руководствовались скорее чем-то вроде «принципа Матфея» — кому больше дано, тому больше следует прибавить*.

Таблица 2

Корреляции между исходно предсказанными значениями зарплат по видам экономической деятельности и распределением бюджетных «выравнивающих» доплат

Вид экономической деятельности	Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	Связь	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	Финансы	Химическое производство
Значение коэффициента корреляции - г Пирсона (и ρ Спирмена)	0,132 (-0,127)	-0,156 (-0,129)	-0,197 (-0,235)*	0,244* (0,245*)	0,015 (-0,111)

Поскольку для предсказанных значений зарплат, как и для предложенных значений доплат (кроме одного случая) распределение для наших данных не является нормальным, мы приводим также значения ρ . Звездочкой отмечены значения коэффициентов, значимые на уровне $p < 0,05$.

* Разумеется, мы неявно отсылаем здесь к «эффекту Матфея» как описанному Р.К. Мертоном гипотетическому механизму, объясняющему несправедливое приписывание большей части научного вклада в публикацию более известному и маститому соавтору и, соответственно, неполное указание авторства при цитировании (Merton 1968).

Иными словами, наши данные *не дают оснований говорить о прямой связи субъективных «убеждений о фактах» относительно зарплат работников разных областей экономической деятельности (т. е. субъективных определений фактического положения дел) и решений о справедливом распределении компенсирующих доплат.*

Означает ли это, что испытуемые просто игнорировали явно предлагаемый инструкцией эгалитаристский принцип распределения? Рис. 2 и табл. 3 показывают, что такой вывод не имеет достаточного эмпирического обоснования: на уровне группового мнения о справедливом распределении компенсирующих выплат наши испытуемые демонстрируют заметную *тенденцию к уменьшению разброса среднемесячных зарплат между видами экономической деятельности по результатам предполагаемого распределения доплат и налоговых льгот.* В результате совокупно предпочитаемого нашими испытуемыми компенсирующего распределения разброс между минимальными и максимальными значениями средних зарплат уменьшается и их относительные доли в выплаченных суммарно по всем видам деятельности зарплатах несколько выравниваются в сравнении с исходным распределением предсказанных зарплат*. Различие между средними распределенными долями общей суммы в 100 млрд. рублей является статистически существенным (тест Фридмана для средних распределенных доплат значим для $p < 0,001$). При попарном сравнении распределенных доплат обнаруживается, что это различие возникает преимущественно за счет очевидно больших выплат, предлагаемых работникам здравоохранения и сферы социальных услуг (для всех парных сравнений с другими видами деятельности $p < 0,001$; см. также рис. 1), а также работникам химического производства ($p < 0,001$ для сравнений со связью, финансовой деятельностью и добычей топливно-энергетических ископаемых). Иными словами, коллективное решение наших испытуемых демонстрирует *тенденцию к компенсаторному выравниванию реального или предполагаемого неравенства в доходах.* Однако эта неярко выраженная распределительная «мудрость толп» — результат агрегирования индивидуальных суждений о справедливом распределении выравнивающих доплат.

* Здесь мы рассматриваем распределение среднемесячных выплаченных зарплат по отраслям как многомерную переменную и определяем ее разброс для каждого испытуемого. С содержательной точки зрения, чувствительность разброса к крайним значениям переменной является в данном контексте преимуществом.

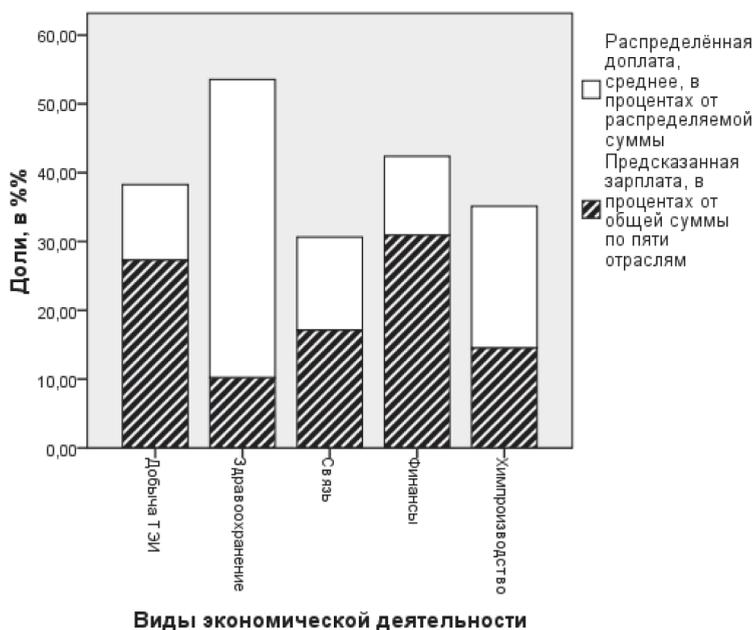

Рис. 2. Соотношение предсказанных среднемесячных зарплат и распределенных доплат, в % от суммы по отраслям

Таблица 3

Результаты перераспределения зарплат в сравнении с исходным распределением предсказанных зарплат по пяти отраслям, %

Показатель	Размах	Минимум	Максимум
Предсказанная зарплата, в процентах от общей суммы по пяти отраслям	20,70	10,20	30,90
Абсолютные доли зарплат по результатам компенсирующего распределения по отраслям	11,46	15,32	26,78

На индивидуальном же уровне, как показывает рис. 3, некоторые испытуемые (им соответствуют точки в левой верхней части диаграммы, расположенные параллельно оси ординат) явно демонстрируют склонность к более или менее неравному компенсаторному распределению доплат при скорее «уравнительном» восприятии фактических уровней зарплат, тогда как некоторые другие (точки в правой нижней части диаграммы) — склонность к «уравнительным» решениям в области распределения доплат при выраженной тенденции к переоценке существующего неравенства доходов. Таким образом, для некоторой части наших наблюдений обнаруживается тенденция к умеренной обратной связи между размахом (т. е. разницей максимального и минимального значений) распределяемой индивидом компенсирующей доплаты и размахом

его предсказаний относительно фактических среднемесячных зарплат*. Однако вопрос о том, может ли этот результат быть воспроизведен и характерно ли это соотношение для какой-то подгруппы испытуемых, либо оно является побочным эффектом нашей методики или специфического характера использованных в эксперименте задач, требует дальнейшего исследования.

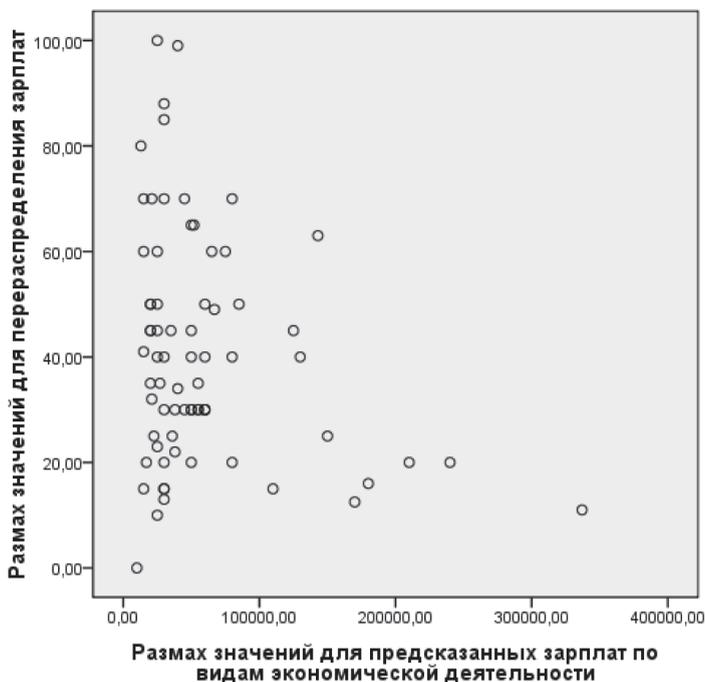
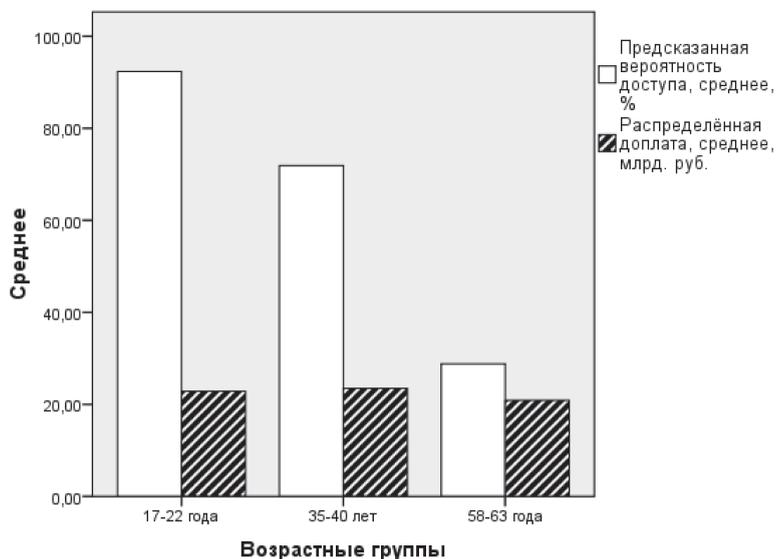

Рис. 3. Диаграмма рассеивания: размах значений предсказанных зарплат и размах значений распределенных доплат по видам экономической деятельности

Соотношение предсказанных вероятностей доступа и распределенных нашими испытуемыми доплат, позволяющих сделать доступ разных возрастных групп к глобальной сети коммуникаций более справедливо распределенным и равномерным, усредненное для всех наших испытуемых, представлено на рис. 4. В целом, наши испытуемые, наряду со склонностью переоценивать уровень доступа к сети (см. выше), демон-

* Распределение размаха значений предсказанных зарплат для наших данных не является нормальным и симметричным (для теста Колмогорова-Смирнова $p < 0,001$; это можно видеть и на рис. 3), поэтому мы не можем сделать валидные выводы относительно наличия корреляции ($r = -0,265$, однако в данном случае корректнее ориентироваться на значение $= -0,165$, не достигающее статистически значимого уровня).

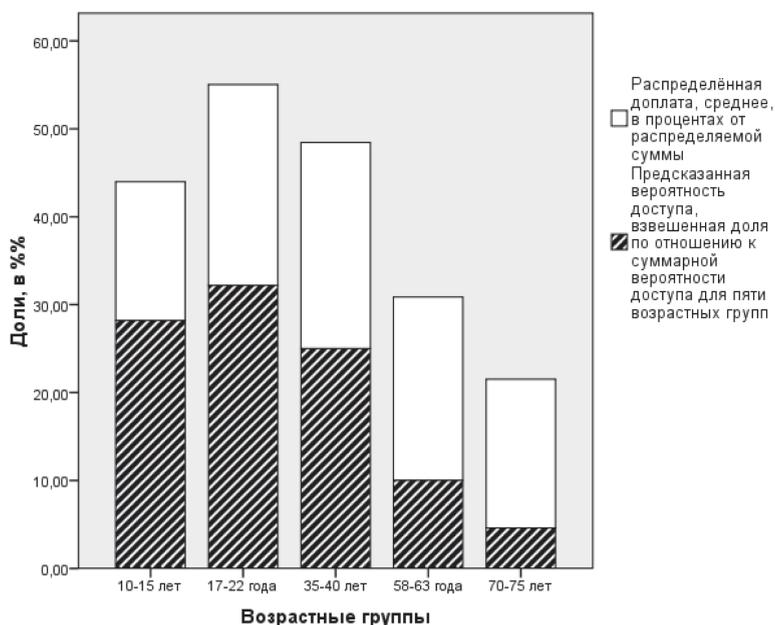

Вероятность доступа внутри трех возрастных групп предсказывалась по точечным значениям — 18, 39 и 61 год соответственно.

(Для всех опрошенных, N = 72)

Рис. 4. Соотношение предсказанных вероятностей доступа и распределенных доплат для трех возрастных групп

стрируют тенденцию к уравнительному распределению (это также хорошо видно на примере трех интересующих нас здесь возрастных групп на рис. 5, несмотря на некоторую условность процедуры вычисления долей каждой возрастной группы относительно суммарной вероятности доступа и неполноту данных для двух крайних групп, о которой говорилось выше). Таким образом, предложенный в задании компенсаторный принцип распределения и их собственные убеждения о фактическом положении дел в этом случае не оказывают достаточного влияния на их коллективную аксиологическую мудрость. Этот результат может быть объяснен и причиной неэффективностью субъективных знаний о ситуации, и дополнительным влиянием других «сильных аргументов», потенциально влияющих на суждения о дистрибутивной справедливости на макроуровне, например, соответствующих утилитаристскому принципу представлений о большей эффективности перераспределения средств на обеспечение доступа к цифровым коммуникациям в пользу более молодых возрастных групп, активно участвующих в общественном производстве. В конце концов, структура основанных на «сильных доводах» аргументов в пользу того или иного суждения о справедливом распределении может содержать более одной посылки.

Оценки средних распределенных доплат для двух крайних возрастных групп (10–15 и 70–75 лет) усреднены для $N = 20$ (испытуемые, проходившие опрос офлайн), остальные значения основаны на данных по всем испытуемым ($N = 72$).

Рис. 5. Соотношение предсказанных вероятностей доступа и распределенных доплат, в процентах от суммы по пяти возрастным группам

Однако как выглядят наши данные с точки зрения сформулированной выше основной гипотезы о прямой взаимосвязи индивидуального фактического и аксиологического повседневного знания? Для двух из трех возрастных групп связь между «наивным» знанием в форме прогноза вероятности доступа в Интернет и суждениями о справедливом способе распределения «выравнивающих» централизованных доплат отсутствует (см. табл. 4), однако для одной из возрастных групп имеет место умеренная отрицательная корреляция между предсказанными вероятностями доступа и распределенными доплатами ($r = -0,571$, $p < 0,01$), что соответствует основанной на гипотезе ожиданиям. Иными словами, для представителей среднего возраста наши испытуемые строят свои решения о справедливой компенсирующей доплате для этой возрастной группы с учетом собственных интуитивных представлений о фактическом уровне доступа (те, кто предсказывают меньшую вероятность доступа представителей этой возрастной группы к Интернет-услугам, склонны распределять в их пользу большую сумму «выравнивающей» выплаты и наоборот). Для других возрастных групп гипотеза, выведенная

ная нами из «центральной социологической теоремы», не находит подтверждения в наших данных.

Таблица 4

Корреляции между исходно предсказанными значениями Интернет-охвата для трех возрастных групп и распределением бюджетных «выравнивающих» доплат

Возрастная группа (граждане РФ)	17-22	35-40	58-63
Значение коэффициента корреляции - r Пирсона	0,124	- 0,571**	0,193

Предсказание вероятности наличия доступа в Интернет (охвата) делалось для точечных значений внутри возрастной группы — 18, 39 и 61 год. Двумя звездочками отмечено значение коэффициента корреляции, значимое на уровне $p < 0,001$.

Что же касается коллективной «аксиологической мудрости», то в этом случае компенсирующее распределение для трех возрастных групп, относительно которых мы обладаем достаточным количеством наблюдений, на агрегированном уровне было скорее «консервирующим» исходное неравенство и только в этом смысле — уравнивающим. В среднем наши испытуемые присудили каждой из предположительно «продвинутых» с точки зрения Интернет-доступа групп доплату в масштабах от 22,85 млрд. руб. (для первой группы граждан РФ в возрасте от 17 до 22 лет, уровень доступа которой в среднем оценивался испытуемыми в 92,3 %) до 23,46 млрд. рублей (для второй группы граждан в возрасте от 35 до 40 лет со средней предполагаемой оценкой доступа в 71,9 %). При этом в пользу третьей (сравнительно обездоленной в смысле доступа к цифровым технологиям) группы граждан в возрасте лет от 58 до 63 лет, для которых средняя оценка предполагаемой вероятности Интернет-доступа составила 28,8 %, наши испытуемые коллективно распределили 20,86 млрд. рублей*. Иными словами, если на уровне индивидуальных оценок испытуемые проявляли тем большую склонность распределять деньги в пользу экономически продуктивной группы граждан среднего возраста, чем ниже они оценивали вероятность наличия у ее представителей доступа к благам сетевых коммуникаций, на уровне коллективного мнения эта умеренно выраженная тенденция отразилась лишь в статистически незначимом смещении «выравнивающего» распределения в ее пользу.

Итак, возвращаясь к поставленному нами выше вопросу, всегда ли такая разновидность повседневного знания, как убеждения о релевантных

* Парные различия между средними доплатами для трех групп (t-тест Стьюдента) статистически незначимы.

социальных, экономических и иных фактах, высказываемые индивидами, связана с их же нормативными суждениями о том, *что* в данном случае считать справедливым и честным решением и/или положением дел? Полученные нами результаты для двух областей дескриптивного и нормативного знания о социальном мире ведут, в общем случае, к отрицательному ответу на этот вопрос: для суждений о справедливости распределения доходов и доступа к цифровым коммуникациям интуитивные индивидуальные оценки фактического положения дел в соответствующих областях в большинстве случаев не демонстрируют прямой взаимосвязи. Эта взаимосвязь может быть обнаружена лишь для некоторых групп потенциальных получателей перераспределяемых благ. Она не только не всегда вносит существенный вклад в наблюдаемую дисперсию индивидуальных оценок, но и может иметь противоположное ожидаемому направление: при фиксированном инструкцией к заданию компенсирующем эгалитаристском принципе распределения, по крайней мере в одном случае испытуемые демонстрируют склонность непропорционально вознаграждать группу тех, кто уже получает большую плату за свой труд.

Вместе с тем на уровне коллективных решений очевидна общая тенденция к выравниванию исходного межотраслевого разброса зарплат, что свидетельствует о существенной роли заданного инструкцией эгалитаристского принципа, «подталкивающего» к уменьшению неравенства при распределении гипотетических выплат. Для решений относительно справедливого распределения компенсирующих «цифровое неравенство» выплат эта тенденция не так очевидна (отчасти в силу ограниченной доступных нам данных), однако уравнивательный — «всем сестрам по серьгам» — характер распределения дополнительных выплат в этом случае может объясняться тем, что, в отличие от распределения доходов, наши испытуемые *воспринимали доступ к сети в качестве своего рода ресурса* (а не просто блага), который может быть более эффективно использован группами, находящимися в продуктивном возрасте (т. е. собственно компенсаторными оказывались лишь предлагаемые выплаты в пользу старшей целевой группы). В целом результаты исследования коллективного нормативного знания косвенно подтверждают предполагаемую когнитивистской теорией моральных чувств возможность своего рода конкуренции принципов распределения (в том числе, не заданных в инструкции к эксперименту) и возможность использования множественных «сильных доводов» применительно к макроуровню социального взаимодействия*.

* Будон и Беттон предлагают подобное, т. е. основанное на конкуренции доводов, «наивных» объяснительных моделей и нормативных принципов,

Резюмируя наше обсуждение, можно предположить, что само наличие и сила связи между повседневными знаниями о фактах и нормативными суждениями зависят от неявной структуры аргументации, основанной на «сильных доводах» и не всегда сознательно используемой обычными людьми. Вклад обыденного знания о фактах в детерминацию суждений о справедливости тех или иных распределений может быть и наблюдаемым (если, наряду с фиксированным нормативным принципом справедливости, на суждения испытуемых влияют лишь их представления о фактическом положении дел), и нулевым, если на эти суждения значительно сильнее влияют конкурирующие принципы и аргументы. Проверка этого, пока умозрительного, предположения требует дальнейших исследований взаимосвязи нормативных, дескриптивных и объяснительных элементов «народной социологии», однако уже сейчас можно утверждать, что вопреки расхожим интерпретациям «теоремы Томаса», субъективные убеждения социальных акторов о фактах не только иногда имеют «реальные последствия» для действий или для нормативных суждений о действиях (должных, справедливых и т. д.), но и могут их *не иметь*.

В уже упоминавшейся статье, посвященной причудливым путям интеллектуальной диффузии, а также причинам предполагаемого неполного цитирования «социологической теоремы У.А. Томаса», Р. К. Мертон, внесший в описываемые процессы немалый вклад как автор самого эпонима и некоторых ключевых вторичных источников, ставших авторитетными для последующих интерпретаторов томасовской фразы, которую, как выясняется, мало кто читал в оригинале, приводит фрагмент из собственной более ранней публикации (Merton 1976: 174–175, 177, цит. по Merton 1995: 396–397). В этом фрагменте не только прослеживается предыстория эффектно резюмированной в краткой формулировке Томаса идеи важности для социологической теории «субъективного компонента действия» (т. е. его интенционального описания с точки зрения действующего), но и обосновывается неприемлемость тотального субъективизма в интерпретации этой фразы. Пытаясь отделить осмысленные интерпретации от заведомо нелепых, Мертон противопоставляет расхожей и неверной трактовке того, что сказал Томас («Если люди *не* определяют ситуации как реальные, они не имеют реальных последствий»), более корректное и восстанавливающее права объективных компонентов действия утверждение, уравнивающее

многоступенчатое объяснение для позаимствованного у А. Смита примера воспринимаемого в качестве справедливого неравенства в оплате опасного труда солдат и шахтеров (Boudon, Betton 1999: 370–373).

и дополняющее «теорему Томаса»: «И если люди *не* определяют ситуации как реальные, они все-таки реальны по своим последствиям». Однако исходная, нуждающаяся в балансирующем дополнении формулировка, судя по полученным в нашем эксперименте результатам, тоже может быть несколько уточнена для случаев гипотетического прямого влияния субъективно предполагаемых фактов на нормативные суждения и решения: «Даже если люди определяют ситуации как реальные, они могут и не иметь реальных последствий».

Литература

Аристотель. Никомахова этика / Пер. Н.В. Брагинской. Кн. 7 // Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984.

Девятко И.Ф. О теоретических моделях, объясняющих восприятие справедливости на микро-, мезо- и макроуровнях социальной реальности // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2009. № 29. С. 10–29.

Девятко И.Ф., Абрамов Р.Н., Кожанов А.А. О пределах и природе дескриптивного обыденного знания о социальном мире // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 3–17.

Некрасов С.И. Сравнение результатов онлайн и офлайн опросов (на примере анкет разной сложности) // Социология: Методология, методы, математическое моделирование. 2011. № 32 (в печати).

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности / Федеральная служба государственной статистики РФ [<http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/wages/#>]

Bazerman M. Norms of Distributive Justice in Interest Arbitration // Industrial and Labor Relations Review. 1985. Vol. 38. No 4. Pp. 558–570.

Boudon R. The moral sense. International Sociology. Vol. 12. No 1. 1997. P. 5–24.

Boudon R., Betton E. Explaining the feelings of justice // Ethical Theory and Moral Practice. 1999. Vol. 2. No 4. Pp. 365–398.

Faravelli M. How Context Matters: A Survey Based Experiment on Distributive Justice // Journal of Public Economics. 2007. Vol. 91. Issues 7–8. August. Pp. 1399–1422. doi:10.1016/j.jpubeco.2007.01.004.

Griffits T.L., Tenenbaum J.B. Optimal predictions in everyday cognition // Psychological Science. 2006. Vol. 17. No 9. Pp. 767–773.

Henrich J., Boyd R., Bowles S., et al. ‘Economic Man’ in Cross-cultural Perspective: Behavioral Experiments in 15 Small-scale Societies // Behav. and Brain Sc. 2005. No 28. Pp. 795–855.

Keil F.C. Folkscience: coarse interpretations of a complex reality // Trends in Cognitive Sciences. 2003. Vol. 7. No 8. Pp. 368–373.

Konow J. Which Is the Fairest One of All? A Positive Analysis of Justice Theories // Journal of Economic Literature. 2003. Vol. XLI. (December). Pp. 1188–1239.

Merton R.K. The Matthew Effect in Science // Science. 1968. January 5. No 159 (3810). Pp. 56–63.

Merton R.K. Social Knowledge and Public Policy // Merton R.K. . Sociological Ambivalence and Other Essays. New York: Free Press, 1976. Pp. 174–175, 177.

Merton R.K. The Thomas Theorem and The Matthew Effect // Social Forces. 1995. Vol. 74. No 2. Pp. 379–424.

Mitchell G., Tetlock P., Mellers B.A., Ordycey L. Judgments of Social Justice: Compromise between Equality and Efficiency // Journal of Personality and Social Psychology. 1993. Vol. 65. No 4. Pp. 629–639.

Mozer M.C., Pashler H., Homaei H. Optimal predictions in everyday cognition: The wisdom of individuals or crowds? // Cognitive Science. 2008. Vol. 32. No. 7. Pp. 1133–1147.

Thomas W.I., Thomas D.S. The Child in America: Behavior Problems and Programs. New York: Knopf, 1928.

Yaari M., Bar-Hillel M. On Dividing Justly // Social Choice and Welfare. 1984. Vol. 1. No 1. Pp. 1–24.

Приложение

Образец бланка заданий на справедливое распределение выплат

При ответе на каждый из нижеследующих вопросов Вам предлагается вынести суждения о том, каким будет **самое справедливое решение** в описанной ситуации. Пожалуйста, прочитайте вопрос и дайте ответы в числовой форме (впишите свои предложения в пустые строки под соответствующим вопросом). нас интересуют Ваши интуитивные представления о справедливости, поэтому, пожалуйста, отвечайте быстро и не используйте какие-либо вычисления.

1) Как известно, существуют значительные различия в размерах среднемесячной зарплаты для разных областей экономической деятельности. Проводимая правительствами разных стран политика в области регулирования оплаты труда предполагает возможность использования бюджетных средств для выравнивания *явных диспропорций* в оплате труда работников разных отраслей.

Вы случайно узнали, что правительство Российской Федерации готовит ряд практических мер в этой области. В частности, предполагаются налоговые льготы и прямые выплаты бюджетных средств предприятиям разных форм собственности, которые представляют разные области экономической деятельности. На первом этапе стоимость всего пакета мер по повышению средних зарплат в отдельных отраслях — 100 млрд. рублей.

Каковы Ваши предложения по распределению этой суммы между перечисленными ниже областями экономической деятельности? Помните, что планируемая цель — **сделать распределение средних зарплат между указанными областями (и только между ними) более справедливым**. Пожалуйста, укажите, как в этом случае следует распределить деньги. *Для каждой области экономической деятельности нужно вписать ту сумму (в млрд. рублей), которая способствовала бы более справедливому распределению оплаты за труд.*

Помните: общее количество распределяемых денег — 100 млрд. рублей.

Социология знания

Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых _____
(млрд. руб., впишите цифру)

Связь _____ (млрд. руб., впишите цифру)

Здравоохранение и предоставление социальных услуг _____
(млрд. руб., впишите цифру)

Финансовая деятельность _____ (млрд. руб., впишите цифру)

Химическое производство _____ (млрд. руб., впишите цифру)

2) Правительство РФ планирует комплекс мер, направленных на выравнивание возможностей граждан разного возраста в доступе к современным цифровым технологиям. Для обеспечения равных возможностей пользования Интернетом выделено *100 млрд. рублей*.

Как бы Вы разделили эту сумму между представителями пяти конкретных возрастных групп, чтобы доступ к глобальной сети коммуникаций был распределен более справедливо и равномерно (впишите соответствующие суммы в млрд. рублей в оставленные пустыми строки)?

Граждане РФ в возрасте от 10 до 15 лет _____ (млрд. руб., впишите цифру)

Граждане РФ в возрасте от 17 до 22 лет _____ (млрд. руб., впишите цифру)

Граждане РФ в возрасте от 35 до 40 лет _____ (млрд. руб., впишите цифру)

Граждане РФ в возрасте от 58 до 63 лет _____ (млрд. руб., впишите цифру)

Граждане РФ в возрасте от 70 до 75 лет _____ (млрд. руб., впишите цифру)